Охотничий билет без права охоты

Автор:
Мария Мусина

Охотничий билет без права охоты

Мария Мусина

Смешные детективы

Кто мог предположить, что обычная поездка на собачью выставку обернется стрельбой, погонями, покушениями?

Ольга, переводчица итальянских любовных романов, сама того не желая, получает от случайного знакомого Василия на время его таксу Бубу. Хозяин собаки скрывается, а вернуть его любимицу оказывается не так-то просто: приехавшего за ней человека убивают на улице прямо средь бела дня. Ольга должна найти Василия и при этом не попасться на крючок убийцы!

Мария Мусина

Охотничий билет без права охоты

…Шел мокрый снег. Я миновала несколько кварталов и завернула за угол.

У тротуара стоял полицейский «форд» с мигалкой. Чуть поодаль посреди тротуара переминались два парнишки в военном камуфляже. На противоположной стороне широкого проспекта припарковался неприметный, цвета хаки грузовик. Полог кузова был слегка откинут – видимо, ребятам приспичило покурить – торчало несколько короткоствольных автоматов. Над кабиной шофера читалась пафосная надпись: «Люди».

Это, несомненно, вселяло надежду. Тем не менее, мне вдруг остро захотелось залечь на асфальт, по-пластунски доползти до угла, а дальше, перекатываясь с живота на спину, достигнуть какого-нибудь укрытия.

А если чего-то непреодолимо хочется – это непременно нужно сделать, даже если на тебе новое пальто – светлый крем-брюле, а под ним брючки в тон. Тем более что крещендо этого необъяснимого моего желания секунда в секунду совпало с совершенно недвусмысленным свистом пуль и абсолютно определенным грохотом автоматных очередей, сопровождающихся трассирующими огнями.

Я продолжала размышлять о невозможности предугадать последствия своих самых невинных поступков, а стало быть, и о полной нецелесообразности какой-либо осмотрительности вообще – в узком пространстве за газетным киоском, куда я почти вползла. Перестрелка на улице стала мало-помалу стихать.

Я сквозь стук своего безумно колотившегося сердца все же расслышала дружный топот, потом звуки разворачивающихся машин. Потом все стихло.

Выглянула из укрытия: пустынный двор, пустынная улица. Только жаль – пальто и брюки были безнадежно измараны.

Я вдохнула полной грудью утренний весенний воздух. Светало. Спешили куда-то редкие прохожие и машины. Я вывернула пальто наизнанку – так оно выглядело, может, излишне экстравагантно, но зато намного опрятнее.

…А ведь еще вчера у меня была совершенно другая жизнь…

Глава 1

«Женщина должна молчать. Молчать… Молчать! Тогда мужчина слышит в ее молчании нечто такое, нечто такое, что, собственно, и хочет услышать».

С чего это я вдруг с утра пораньше? Впрочем, на десятом году замужества и не такое придет в голову. Сижу утром на кухне, пью кофе. И вот на тебе…

Эту мысль я не успела додумать до конца. Такса Матильда (она же Мотя) проснулась, деловито притрусила на кухню, увидела, что я без дела пью кофе и тут же заскакала перед глазами, часто дыша, выпучив глаза, изображала крайнюю нужду немедленно выйти во двор.

– И кофе не дашь допить? – безнадежно спросила я, заранее зная ответ.

Матильда, как и следовало ожидать, заскакала шибче. А это уже могло плохо кончиться.

Утром муж уходит на работу рано, мы с Матильдой еще спим. И, между прочим, никто не рвется немедленно выйти на улицу! Но стоит мне тихонько пристроиться на кухне с чашечкой такого желанного утреннего кофе, как любимая собачечка тут же обнаруживает, что ее нерадивая хозяйка слишком долго спит! Кто кого дрессирует – еще неизвестно. То есть очень даже известно. Я одеваюсь и выхожу на улицу – в слякоть и грязь.

Во дворе народу немного. Точнее сказать, только один сосед Мокрухин гуляет со своей бойцовой собакой на поводке и двумя телохранителями чуть сзади. Телохранители телохранителями, но как отказать себе в простой житейской радости – с любимой собачкой самому погулять? Никак не откажешь! Мы с Мотей предусмотрительно идем в другой конец двора. От Мокрухина следует держаться подальше. На него то и дело покушаются. Его машины периодически взрывают. В подъезде периодически кого-то убивают (но почему-то все не самого Мокрухина), а оперуполномоченного с Петровки Костю, который пытается разгадать тайну перманентных покушений на Мокрухина, жильцы нашего дома даже уже успели полюбить за невредный характер и добрую, открытую улыбку.

Мокрухин же мне не симпатичен. Он никогда ни с кем не здоровается. Хорошо ли это? К тому же, судя по настойчивости, с которой Мокрухина хотят ликвидировать, неучтивость – это еще не самый большой мокрухинский недостаток.

Я не пылаю нетерпеливым ожиданием (как некоторые жильцы нашей шестнадцатиэтажки), когда же Мокрухина, наконец, пристукнут. Но соседей можно понять! Бесконечные бандитские разборки в непосредственной близости от собственного дома (и даже квартиры!) утомительны.

Матильда тоже сторонилась мокрухинского пса. Уж больно вид у него свирепый, не располагающий к общению. Впрочем, вполне вероятно, что глубоко в душе пес сам страдает от этого.

Бодигарды Мокрухина с подозрением уставились на меня и Матильду. Как если бы видят нас в первый раз в жизни! Двор наш, слава Богу, просторный. Можно не толкаться на одном пятачке. Так мы и гуляем – поближе к подъезду группка коротко стриженных товарищей с периодически задирающим ногу бультерьером. На другом краю Мотя и я.

Пока телохранители бдительно нас рассматривают, я думаю, что срочно необходимо похудеть. Я всегда об этом думаю, когда кто-то вот так пристально начинает на меня пялиться. Но, черт побери, как это сделать?! Проклятые 10 лишних килограммов никак не хотят пропадать! А при росте 158 сантиметров, когда нужно весить 58 кэгэ, а ты весишь под семьдесят, это очень даже заметно. И, в общем-то, даже невооруженным глазом!

Мокрухин и его телохранители уже входят в подъезд, а я решила побродить вокруг дома еще минут десять – из предосторожности. Поскольку шальной пулей или осколками от подложенного взрывного устройства могут задеть ни в чем не повинных в темных делишках сограждан! На днях старушку таким образом замочили. Ни за что ни про что. Шла, бедняжка, в магазин за кефиром. О-хо-хо, грехи наши тяжкие.

Мой муж Антон тоже занимается бизнесом. И вполне, можно сказать, успешно. Но с нами никто не боится вместе ехать в лифте. Мы не наживали капиталы неправедным путем!

Впрочем, поэтому их, капиталов, у нас и нет. Зарабатываемых Антоном денег не хватило ни на домик в Париже, ни на коттедж в ближнем Подмосковье. (Ну и ладно. Спасибо деду – какая-никакая, а дачка есть.) Но зато я смогла без всякой печали бросить свою педагогическую деятельность и заняться тем, чем хотела заниматься всю жизнь – переводами любовных романов. С итальянского. Мой друг Поли (он, между прочим, эстрадная звезда!) говорит, правда, что я таким образом пытаюсь компенсировать отсутствие личной жизни. Но Поли – это отдельный разговор. Для него все женщины, у которых нет любовника, – не живут, а прозябают. Богема! Что с нее возьмешь?! То есть с него, с Поли.

Антон после института быстро защитил диссертацию, был доцентом своего родного Московского энергетического института, специализировался по лазерам. Потом, когда наукой заниматься стало уже невозможно, Антон организовал фирму, которая использовала высокие лазерные технологии для шоу и рекламы, а также производила лазерные прицелы.

Конечно, душа больше лежала к исследовательской работе, но поскольку мой Звонарев работоголик, а работы в шоу-бизнесе и в производстве лазерных прицелов было много – в новых экономических условиях Антон чувствовал себя вполне комфортно.

– Мчится мимо и не замечает, – с обидой, почти серьезной, сказали мне вслед.

О! Наталья. Когда-то вместе преподавали. И, было время, интенсивно дружили семьями: я и Антон, Наташа и ее муж Петя.

Потом вдруг Наталья увлеклась новомодными методиками очищения организма. Особенно оголтело она пропагандировала уринотерапию. Выносить Наталью стало нелегко. А для брезгливого Антона просто невозможно. Теперь, когда Петя с Наташей приглашали вместе отужинать, Антона передергивало. Мне приходилось долго уговаривать мужа посидеть с недавно любимыми соседями хоть чуть-чуть.

Антон морщился:

– С Петей-то я с удовольствием повидался бы, но твоя подруга…

– У каждого свои недостатки, – пресекала я всякие такие поползновения – не люблю, когда о моих подругах плохо говорят. Сегодня о них, завтра – обо мне!

– Но почему я их всех должен терпеть? – растерянно вопрошал Антон.

И я понимала, что причин найдется не так уж и много.

– Мчится мимо и не замечает, – повторила Наталья.

– О, привет, как твои дела? Куда пропала? – затараторила я, чтобы скрыть свое чувство вины.

– Да я-то никуда не пропала…

– Похудела, выглядишь прекрасно.

– Это все чудодейственная моча!

Наталья ничуть не меняется!

– Как поживает Петя?

– Не знаю. Мы разошлись.

– Да ты что! – только и смогла выговорить я.

– Да. И у меня теперь другой мужчина, – гордо заявила Наташа.

– Но вы ведь, по-моему, венчались…

– Я даже получила разрешение на духовный развод, – вздохнула Наташа, – вот как далеко зашло…

– Но, бедный Петя, как же он?

– Надо было раньше думать, – сварливо заметила Наташа, – я ему говорила, что он совсем не заботится о семье, он все на благо других старался. И совершенно не очищал свой организм! А для меня, ты же знаешь, свобода личности священна! Я как бы не могла насиловать его личность!

– А что твой новый… муж, он что поделывает в этой жизни?

– Он – ювелир, – торжественно возвестила Наталья.

– О!

Еще полчаса Наташа, держа меня за рукав, рассказывала о своей жизни, где события развивались бурно: знакомы они с Олегом всего два месяца, а он уже три недели живет у Наташи.

– На раскладушке на кухне спит. Мой духовный отец сказал, чтобы я не допускала никаких грехопадений, пока мы с Петей официально не разведемся. А Петя уехал жить к родителям. Олег меня старше на 12 лет. А Петей мне руководить надоело и заставлять его что-то делать – тоже. Он ремонт в квартире уже второй год закончить не может! Разве это мужчина? Хочешь, мы с Олегом к вам с Антоном зайдем?

– Конечно, приходите, – а что я еще могла сказать? – Только не сегодня… созвонимся…

– Я тебе еще расскажу о новейших исследованиях в области очищения организма. Наука не стоит на месте! Сознайся, ты по-прежнему не пьешь мочу? Отстала от жизни! Сейчас все этим лечатся. Мочой и чесноком. А больше ничем и не вылечишься: экология и дороговизна. А врачи как бы сами не знают, как болезни лечить.

– Спасибо, Наташа, я вроде не болею.

– Это тебе только так кажется. Я тебе книжку дам – называется «Поставьте себе диагноз» – ты у себя тысячи болезней найдешь. И что характерно, все они поддаются уринолечению, а если ты к этому еще и прибавишь чеснок!..

Меня уже слегка подташнивало:

– Наташа, прошу тебя…

– Ой, ну ты ничего не понимаешь, моча ведь стерильная…

Я не была уверена, что поступаю правильно, зовя в гости Наташу с новым хахалем. Антон просто впадет в бешенство, когда увидит в своем доме Наташу с чужим мужчиной вместо Пети. Антон считает, что дурные примеры заразительны и семейный дом не место для показа часто сменяющихся мужей. Но жизнь продолжается, в конце концов. К тому же любопытно взглянуть на

сорокалетнего господина, который спит в этой ситуации на кухне на раскладушке, вместо того чтобы предаваться свежим любовным страстям. Вот только как нейтрализовать Наташино увлечение уринотерапией?

Впрочем, слава Богу, Наталья с бойфрендом придут не сегодня. А там видно будет! Неприятности, как известно, нужно переживать строго по мере их поступления.

Судя по всему, на этот раз в подъезде на Мокрухина никто не покушался, и мы с Мотей с успехом добрались до квартиры.

Потирая руки, я устремилась к своему письменному столу. Вчера вечером Антон пришел как раз в тот момент, когда Анна-Мария отказала Джузеппе. О! Что это был за красавчик – женщины падали штабелями на его пути – Джузеппе не знал преград: все цели, которые он ставил перед собой, – достигались! Он был остроумен, чертовски хорош собой, сказочно богат, что тоже немаловажно, конечно. Талантлив – совсем забыла! Ах, Джузеппе… Впрочем, что это я?

В общем, Анна-Мария повела себя как-то странно. Возможно, это был всего лишь хитрый маневр с ее стороны. Неужели и в этом романе все обернется банальнейшим образом? Не хотелось в это верить.

Итак, я села за письменный стол. Открыла книжку, на обложке которой обнимался молодой красивый брюнет и такая же молодая и красивая шатенка – обнимались, надо сказать, довольно неудобным для обычного строения костей образом: он буквально заламывал ей руки назад! Сейчас мы выясним, что за интрижку затеяла вероломная Анна-Мария и переживет ли это Джузеппе – ведь и красавчикам иногда хочется простого человеческого счастья без всяких там надрывных страстей и многоходовых операций.

Зазвонил телефон. И я, которая сотни раз давала себе зарок не откликаться на его призывный голос в рабочее время, как всегда смалодушничала.

– Оля, – укоризненно сказала в трубке Ирина, – ты, конечно, забыла, что мы вас сегодня ждем.

– Конечно, не забыла, – соврала я, – ты представляешь, на нашего Мокрухина вчера опять покушались!

– Короч! Этому пора положить конец! – категорично заявила Ирина.

– Только если пришить его самостоятельно! – неудачно пошутила я. – Легко тебе говорить. Как? Как положить конец?

– Он терроризирует весь дом!

– Вроде как бы даже получается, что он жертва!

– Слушай, а может быть, его посадить? – Ход мыслей Ирины всегда был крайне логичен.

– С ума сошла? За что? У нас правовое государство!

– А-а-а, ну тогда, конечно, придется еще какое-то время потерпеть все эти трупы на лестничной клетке…

– А что у тебя голос такой невеселый?

– Ты еще спрашиваешь?! – с негодованием воскликнула Ирина.

Предполагалось, что я сейчас должна живо поинтересоваться тем, что имеет в виду Ирина, а Ирина должна растолковать мне, что ее муж – двуличный Кика – по-прежнему нагло и беззастенчиво изменяет Ирине, а положение еще и осложняется тем, что Ирина никак не может вывести его на чистую воду. И я уже приготовилась выслушать эти причитания. Но тут позвонили в дверь.

– Ко мне пришли, – сказала я, – вечером все расскажешь.

– Ах, – ответила Ирина, – Кикины злодеяния уже не поддаются никакому описанию!

Матильда приветливо завиляла хвостом, что вовсе не означало, что пришел кто-то из своих. Просто Матильда любила гостей. На пороге стоял оперуполномоченный Костя. Улыбался, как всегда.

– Все еще не поймали, – сказала я.

Костя развел руками:

– Оль, ну как его поймаешь?

Простота наших правоохранительных органов иногда превышала все возможные нормы идиотизма.

– Я только на минутку. Фоторобот показать. – Костя привычно прошел на кухню, я налила ему кофе и настрогала бутербродов. Может быть, Костя все же когда-нибудь изловит покушавшихся на Мокрухина, и в наш подъезд можно будет, наконец, войти без страха споткнутся о чей-нибудь хладный труп.

Костя между тем выложил на стол довольно мутное, много раз отксеренное изображение.

Предполагаемый преступник бычьей шеей, наглым злобным взглядом как две капли воды был похож на самого потерпевшего Мокрухина. Рот ломаный, глаза маленькие, опухшие, одно веко асимметричное, контур спинки носа извилистый, да еще шрам во всю щеку…

– Не хотела бы я его в подъезде встретить, нет, не хотела бы, – сказала я.

– Посмотри внимательнее, может, все же видела его где-нибудь?

Я еще раз добросовестно вгляделась в этот ужасный портрет. Бандит бандитом. Они все так похожи…

– Ольга! – в голосе оперуполномоченного чувствовалась натуральная мольба, – ты уж постарайся запомнить, постарайся. На этот раз чую – вышел на след злодея, точно тебе говорю. Я сейчас был у Поли. Он вроде бы даже встречал этого мужика в вашем подъезде… То есть встречала, – добавил Костя

таинственно и с усмешкой посмотрел на меня.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я просто для того, чтобы не молчать. Я все прекрасно поняла. К тому все давно уже шло. Но не хотелось верить в то, что Поли может решиться на такой неординарный шаг.

Проводив оперуполномоченного, я привела себя в относительный порядок. Так хочется иногда пококетничать с кем-нибудь. При этом совершенно бескорыстно и без всяких там мыслей, а Поли был единственный мужчина, с которым мне разрешал дружить Антон. При виде всех остальных муж скрежетал зубами, и мне все время казалось, что сейчас он просто-напросто ударит человека – ни за что ни про что. Можно ли подвергать людей такой опасности?

И вот теперь, выходит, я потеряла последнего друга!

Пребывая в грустных мыслях, я спустилась к Поли на седьмой этаж.

Поли был на этот раз с длинными, бронзовыми, зачесанными назад волосами и мне обрадовался:

– О, ну наконец-то! Только сейчас хотела к тебе подняться…

– Друг называется! – негодовала я, – как ты мог мне ничего не сказать!? То есть могла.

– Ах, ты про это, – Поли сделал, то есть теперь уже сделала неопределенный жест в сторону нижних конечностей, – какое это имеет значение? Что, у нас с тобой других тем нет? К тебе Костя заходил? Квазимоду показывал? Надоел этот Мокрухин со своими разборками – сил нет.

– Бог с ним, с Мокрухиным. Как же ты мог? Мы с тобой вчера по телефону разговаривали. И я тебя вчера называла в мужском роде…

– Ну и что? Меня это совершенно не смущает. Правда, мне больше нравится женский род. Мужчиной быть как-то трудновато стало.

И мы обсудили нелегкую мужскую долю.

– Но если ты думаешь, – сказал, то есть сказала Поли, – что я просто капитулировал – ты ошибаешься.

И мы обсудили нелегкую женскую долю.

– Тогда зачем тебе все это нужно? – решилась спросить я.

– Какие вы все удивительные! – возмутилась Поли. – Когда Пугачева меняет мужей, вы не спрашиваете, зачем ей это нужно.

– Ну, все же, в некотором роде, это не одно и то же, – я уже и сама засомневалась – так ли это.

– Вот такой у меня имидж, – надулась Поли, – Имею я право на собственную индивидуальность? Принимай меня таким, какой я есть. То есть такой. Ты же мне не кажешься ненормальной, хотя ты и прожила двадцать лет с одним и тем же мужиком…

– В любви и согласии, – уточнила я.

– Вот это уже не имеет никакого значения! Важно то, что ты ему ни разу не изменяла. А это, несомненно, патология! Типичное извращение!

– Будем терпимее друг к другу! – взвилась я.

– Вот именно! – вскричала Поли. – Частная жизнь неприкосновенна! Поговорим лучше о моем творчестве!

– Слушала твой последний диск – он потрясающий! – Правду в глаза говорить легко и приятно. – Особенно эта песенка про голубое небо, желтое солнце и несчастную любовь. Очень свежий образ!

– Да, – с достоинством проговорила Поли, – такого еще не было! Этот «Ветер с моря дул» ни в какое сравнение не идет с моим художественным поиском. Тоже мне шлягер! Ха-ха! Вся его подлость в том, что там каждая строчка по два раза повторяется! Попробуй, не запомни! А я не ищу дешевой популярности!

Еще час мы обсуждали последний диск Поли.

– Ну а как ты, – наконец решила поинтересоваться Поли моими делами, – как твои переводы?..

Я поскучнела. Это для меня история про взаимоотношения Анны-Марии и Джузеппе представляет какой-то интерес. А Поли с его, то есть с ее богатой личной жизнью в самых нетрадиционных формах… Боюсь, он даже не поймет, о чем это я.

– Напустила на себя таинственный вид, ой, ой, – погрозила мне пальчиком Поли, – небось, втихаря переводишь какую-нибудь жуткую порнушку. Знаю я вас, высоконравственных!..

Я всегда воспринимала Поли как задушевного друга, но теперь, когда он стал женщиной, не могу сказать, чтобы он стал мне ближе. То есть она.

– Поли, – тихо спросила я, – как же ты все же решился? Была операция? Было больно?

– Оль, – Поли посмотрел мне прямо в глаза, – ну не все ли тебе равно, кто я – мужчина или женщина?

– Конечно, Поли, конечно, – поспешила я с заверениями, – Мы же друзья…

* * *

Я вернулась домой, уселась за роман и пребывала в добром расположении духа вплоть до семи часов. Даже с минутами. В это время обещал приехать Антон, и мы вместе должны отправиться к Кике и Ирине.

Волноваться я начала непосредственно в половине восьмого. Терпеть не могу опаздывать и заставлять людей ждать. В отличие от Антона, который всегда опаздывает. С этой его привычкой я борюсь многие годы! И без всякого результата! В восемь, когда появился Антон, я уже поднакопила изрядный заряд желчи и негодования.

– Только не говори, что ты опять стоял в пробке! – фурией накинулась я на него.

– Я не в пробке стоял, – Антон едва перевел дыхание, – я у подъезда нашего стоял. Там опять кого-то пристрелили у лифта – милиция никого не пускала. Теперь все разъехались, слава Богу.

– Господи, когда это кончится!? – привычно вскрикнула я. – Но ты мог мне хотя бы позвонить? Я бы спустилась.

– Тебя бы не выпустили из подъезда. Не волнуйся, сейчас подскочим к Кике на машине. Вообще пять секунд.

Но этому не суждено было сбыться. Мы вышли из подъезда и с горечью смогли констатировать, что наша машина уже занята. И не кем иным, как местным пропойцей Федором. Федор периодически брал взаймы у не в силах отказать ему Антона деньги. При этом всякий раз долго и утомительно клялся, что завтра, в крайнем случае, послезавтра отдаст-то непременно. Но в отличие от других обитателей дома, Федор никогда долг не отдавал. И тогда совестливый Федор придумал мыть наши машины. Стоило кому-нибудь из нас поставить свое авто во дворе, как Федор немедленно спускался с ведром и тряпкой и начинал драить Антонов «ниссан» или мою «хонду». При этом, когда Федора особенно заедала нечистая совесть, он проделывал эти манипуляции по нескольку раз с интервалом в полчаса. И никакие уговоры и увещевания не оказывали на совестливого Федора воздействия.

– Совесть не позволяет, – говорил он, прикладывая руку к груди, – Антон, брать у тебя деньги просто так. А не брать не могу – выпить не на что.

Вот и сейчас, что-то напевая себе под нос, Федор размазывал грязь по серебристому капоту машины Антона (моя стояла в ремонте). По опыту было известно: для того чтобы остановить этот процесс, понадобится изрядное количество времени. Завидев нас, Федор приветливо помахал рукой и снова погрузился в работу.

– Вот она, твоя снисходительность, – едко заметила я.

– И это говоришь ты? – Антон даже приостановился. – Давно ли от бочек с сельдью пряного посола избавились? Твоя соседка Рая почему-то решила, что у

нас места больше, чем у нее в квартире!

– Она такая же моя, как и твоя соседка!

– Тогда оставь Федора в покое. У него хотя бы есть совесть!

– Огульные оскорбления! Что ты хочешь этим сказать?

– Попрошу не интерпретировать мои мысли сообразно своим представлениям о действительности!

Я призадумалась. А что, у меня какие-то особые представления о действительности? Вроде нет. Обычные представления.

* * *

Антон был как всегда прав: опоздали мы чуть-чуть, Ирина еще даже не накрыла стол.

Кика и Антон начали пылко обсуждать правительственную «Программу стабилизации экономического кризиса», а я отправилась на кухню помогать Ирине раскладывать на тарелки уже нарезанную в магазине колбасу.

Сегодня (впрочем, как и всегда) Ирина была явно не в духе.

– …И ты представь себе. У Кики опять появилась другая женщина. Он с утра до ночи где-то пропадает!

– Наверное, на работе, – робко предположила я.

– Не будь такой наивной!

Вообще-то Кика и в правду был ловеласом, что греха таить? Я, Антон и Кика – друзья детства. А человек с годами, как известно, если и меняется, то только в сторону усугубления. Был жадным – стал скупым, был добрым – стал щедрым, был вредным – стал завистливым. Был влюбчивым – стал бабником, – закон

эволюции.

К тому же Кика постоянно на ком-то женился и, соответственно, постоянно с кем-то разводился. Надо сказать, что у Кики был вкус, влюблялся он все больше в женщин хороших, и я за долгие годы знакомства собрала уже приличную коллекцию подруг из бывших жен своего друга детства. Ирина тоже как-то сразу прониклась ко мне дружескими чувствами и могла часами изводить меня доверительными рассказами о том, что Кика непременно ее бросит. Возможно, даже скоро. Длились этот брак и Ирины опасения уже года два.

– Тебе просто так кажется, – говорила я, – если ты сама займешься каким-нибудь делом, ты поймешь, что работа занимает очень много времени и сил.

– Ах, умоляю тебя, работой здесь и не пахнет. Он специально изводит меня. Хочет, чтобы я сама подала на развод. Пусть не надеется!!!

Я промолчала. В прошлый раз, выслушав изрыгаемый Ириной поток упреков и подозрений в сторону Кики, я искренне возмутилась:

– Как же ты с ним живешь?

В том смысле, зачем жить с человеком, о котором так плохо думаешь.

Ирине фраза понравилась. Она тут же побежала к мужу с воплем:

– Вот видишь, даже Ольга не понимает, как я с тобой живу. Почему я должна терпеть твои измены во цвете лет?

– О, Господи!!! Какие измены? Ольга, и ты?

И был скандал. Поэтому сейчас я сочла благоразумным промолчать. Но не тут-то было:

– Почему ты ничего не говоришь? – плаксиво заканючила Ира. – Мне так нужна твоя помощь!

Вообще-то, справедливости ради, надо сказать, что Кика давал своей жене Ирине массу поводов для подозрений. Например, он всегда дружил со всеми своими бывшими женами. Однажды, когда его вторая или третья жена балерина Аля попросила ключи от квартиры для приватного свидания (поскольку Аля была снова замужем и у нее дома любящие сердца не могли воссоединиться), Кика с удовольствием пошел навстречу бывшей супруге. Ирина в это время была на даче. Когда она приехала, то обнаружила тут и там признаки пребывания чужой женщины в доме, да еще соседи не без удовольствия намекнули, что видели входящую в их с Кикой семейное гнездышко интересную блондинку. Реакция Ирины была однозначной.

– Да ты пойми, – объяснял ситуацию Кика, – она мне родственница. Родственница, понимаешь ты? И у нее любовь! Что же я не могу помочь своей родственнице?

– Ты нагло лжешь! – вопила Ирина. – Какая такая родственница? Мало того, что ты с ней спишь, ты еще и обманываешь меня в лучших чувствах. И с кем! С этой мандавошкой на цыпочках!

На этот раз Кика едва отделался очередными серьгами с бриллиантами, которые Ирина приняла только после многословных и утомительных уверений в том, что «это было в последний раз». Что «это» – обоими не уточнялось. Потому что оба прекрасно понимали, что «это» – бесконечно.

– Ты пойми, – говорил Кика, когда я, подзуживаемая Ириной, пыталась убедить его, что «пора остепениться», – я же никому не изменяю. Это все ее фантазии!

– А та девушка, с которой ты два раза ходил на презентации?

– Оля, это просто моя подруга. Как ты могла такое обо мне подумать?

– А та каланча, которую ты как-то раз притащил к нам с Антоном домой?

– Мимолетное увлечение. Я ее уже целую неделю не видел!

– А жена банкира Воробьевского!

– Кошмарная история! Представь себе, у меня кое-какие дела с ее мужем, я и решил немного отвлечь мадам Воробьевскую от семейной рутины, так моя Ирка возьми и позвони ей. «Вы встречаетесь с моим мужем?» – спрашивает. Ой, ну нет нелепее вопроса! Мадам отвечает: «Встречаюсь», – ничего не подозревая. Она же не знала еще тогда, что у меня жена зацикленная. Ну и услышала в свой адрес все, что Ирка только могла в таком случае ей сказать.

– Бедняга!

– Я Ирке всыпал. Сдурела, говорю, у меня с дамой светские отношения, а ты лезешь в них, как завсегдательница профкома. И что ты думаешь? Ирка поверила. Ирка моя недоверчивая поверила, представь себе! Но лучше бы она этого не делала! Она опять позвонила мадам Воробьевской и стала извиняться. А заодно рассказывать ей, какой я мерзавец и как я ей изменяю на каждом шагу, с каждой юбкой. Мадам отшатнулась. Во времена СПИДа нужны проверенные партнеры! Сам Воробьевский тоже потерял ко мне интерес. Ночная-то кукушка дневную всегда перекукует. Убыток!

– …А тут представь себе, – Ирина все еще продолжала свой монолог, – я захожу в Кикин личный кабинет телефонной компании, а там нет номеров! Раньше-то как было? Они рассылали счет с полной распечаткой – кому Кика звонил. Очень удобно. А теперь – нет номеров. Я звоню в компанию: почему, мол, вы перестали присылать полные счета? Оказывается, это Кика дал такое распоряжение. Ну, ты представь себе! Конспиратор. Я ему говорю: «А, скрываешь от меня, кому ты звонишь!» А он говорит, что я всех достала своими проверками. Ну, не гад! Подумаешь, позвонила по паре номеров, что, не имею права? Я законная жена!

На самом деле, перехватив распечатку телефонных счетов, Ирина, проводив Кику на работу, уютно пристраивалась с чашечкой ароматного кофе возле телефона и целый день обзванивала абсолютно все незнакомые ей номера и с пристрастием допрашивала секретарш, если это был офисный номер телефона, часто ли у них появляется Кирилл Осокин. Ирина мнила себя большим психологом, потому разговоры вела долгие и пространные, чтобы определить, спит ли данная секретарша с Кикой или еще нет. Секретарши выли. Если, не дай Бог, выяснялось, что Кика звонил кому-нибудь часто, да еще этот кто-нибудь был женщиной…

– А давай, – предложила я, – пойдем с тобой в школу женского обаяния. Займемся собой.

– Какое обаяние? Какие курсы? Мне в сутки не хватает 24 часов, – сокрушалась Ирина, – не успеваю проверять все Кикины точки передвижения.

– Найми детектива, – отчаявшись, порекомендовала я, – а сама займись чем-нибудь полезным. Ну, хоть чем-нибудь!

– Никому нельзя доверять, ты что, – возводила к небесам свои красивые зеленые глаза Ира, – Кика детектива перекупит. Однозначно. Я пробовала! Обращалась! Частные детективы эти мне сладкие сказки пели, что Кика с утра до ночи работает. Ха-ха. Понятно, что он им заплатил больше. Но я-то чувствую! У меня-то интуиция! И она меня еще никогда не подводила.

– Но Ира, – робко пыталась я, – может быть, он и вправду…

– Я тебя умоляю, – закатывала Ира глаза, – ну не будь ты такой наивной. Чтобы Кика да с утра до ночи…

– Сейчас такое время… Все очень много работают, – продолжала лепетать я, уже плохо веря в то, что говорю.

– Но пару часов на баб-то всегда выкроить можно! – Ирке никогда нельзя было отказать в логике. – Вот я и хочу вычислить: когда он этим пару часов выкраивает! И на кого он меня променял! И – будь уверена – уж я-то его поймаю.

Ириному азарту и целеустремленности позавидовал бы любой гонщик Формулы-1.

– Ирка, но, может быть, все хорошо уже, Ирка, а?

– Ой, ну ты, как всегда, не врубаешься! Если бы сейчас передо мной опять стояла всего лишь задача выгодно выйти замуж – я бы эту задачу решила в два счета. Но я развиваюсь как личность! И передо мной теперь другая проблема!

– Кику выследить!

– Вывести его на чистую воду!

– Это глобально.

– А ты как думала! Я борюсь за правду. За истину! Понимаешь ты это или нет!?

– Понимаю!!!

– Конечно, понимаешь, – понизила голос Ирина, – ведь твой-то наверняка тоже гуляет. Еще бы, он постоянно вращается в актерских кругах! А это – одна большая постель!

– Ты что? – у меня даже дыхание перехватило. – Антон не такой!

– Ну, подруга, – прошептала Ирина, – если ты его еще пока не застукала, это не значить, что он не такой!

Честно говоря, я растерялась. Мне почему-то даже в голову не приходило, что Антон может мне изменять. А почему, собственно? Чем я хуже других? Екатерине Второй изменяли, Мерлин Монро изменяли, Клавдии Шифер изменяли, а я что – не женщина? Или у меня муж – не мужик?

– Да нет, – поразмыслив, сказала я, – нет никаких признаков.

– Удачно маскируется, – согласно кивнула головой Ирина.

– Антон не умеет врать, – жестко сказала я.

– Научился, – вздохнула Ирина, – нужда заставит.

– Ира, не говори так, я сейчас заплачу, – взмолилась я.

– Ну, ладно уж, ладно, – великодушно согласилась Ира, – Живи в своем полном неведении. Не буду тебя расстраивать.

Когда все, наконец, уселись за стол, Кика таинственным голосом спросил:

– Дорогие Оля и Антон, угадайте, по какому поводу мы сегодня собрались?

– По поводу внедрения в жизнь нового модернизированного антиподслушивающего устройства, – хором ответили мы с Антоном. – Да здравствует чудо современной техники!

Фирма Кирилла Осокина разрабатывала и производила как подслушивающие аппараты, так и антиподслушивающие. Прогресс не стоял на месте. И Кика непременно обновлял Звонаревский парк антиподслушивающих приборов. В ответ за эту теплую заботу Антон обычно дарил приятелю лазерные прицелы – продукцию своей фирмы. Обменявшись такими милитаризированными сувенирами и посетовав друг дружке на то, что приходится заниматься черте чем вместо настоящей науки, Антон и Кика пускались в воспоминания о золотых студенческих годах, когда сидели в лаборатории перед какими-то там приборами и измеряли турбулентность.

Мы с Ирой неоднократно интересовались, что это такое – турбулентность. Ответ получали всякий раз крайне расплывчатый.

Кика чиркнул лазерным лучом по полу.

– Из всех знакомых собак только Мотька гоняется за лазерным лучом. А жаль. Представляешь, какие бабки можно было бы зашибать, если бы все собаки так на лазер реагировали бы? Можно было бы специализированный магазин такой открыть: «Лазер на службе у собак». Или: «Технологии 21 века – в собачью жизнь». Поле деятельности-то какое было бы! Дух захватывает. Все же собак у народа больше, чем оружия. Пока, во всяком случае. А то что? Лазерные указки никто не покупает: образование в упадке, нищее, не до изысков. А так, представляешь, какой гигантский рынок сбыта организовался бы, если бы лазеры собакам понадобились бы! Слушай, а может, на хомяках попробовать, на черепахах, а?

– Издеваешься. – Констатировал Антон. – Сам-то на хомяках тренировался со своими подслушками?

– Вот тебе не удастся меня подколоть, не удастся, коллега, нет. Мы, между прочим, теперь с помощью новейших акустических технологий с мышами и крысами успешно боремся. На приборы наши спрос огромный. Хотя, не скрою, мечталось не об этом, нет, не об этом…

* * *

Когда мы вернулись домой – в квартире надрывался телефон. Я сняла трубку, услышала голос и сразу поняла: это расплата. Как известно, за все надо платить.

Вообще-то я давно хотела завести собаку. Когда мы с Антоном поженились, у меня уже был пес – старая дворняжка Динка. Когда она умерла, я клялась, что никогда больше не заведу собаку. Но айболит в ветеринарке тогда сказал мне: «Заведешь, еще как заведешь». Тогда эти слова показались мне кощунственными. С тех пор прошло больше восьми лет. И особенно остро мне захотелось завести собаку однажды в понедельник. Антон был, вроде, не против. Тогда я решила, что в субботу мы поедем на птичий рынок и купим таксу. Но во вторник я поняла, что без таксы до субботы не доживу, позвонила в охотничье общество, там мне дали телефон начальника породы (так это и называлось: начальник породы), а он дал телефон Ларисы, у которой в тот момент был щенок таксы. Щенок именно такой, какого я хотела: рыжий и девочка.

В среду я поехала забирать у Ларисы своего щенка. Антон был на работе, и я отправилась одна. Возможно, если бы я поехала с Антоном, он не позволил бы мне раздавать легкомысленные обещания – Антон крайне серьезно всегда относится к своим обязательствам. И все сложилось бы по-другому.

Приближаясь к вожделенной цели, у квартиры, где проживал щенок, я перевела дыхание. Позвонила. Была облаяна сразу двумя взрослыми таксами, впрочем, при этом они вполне дружелюбно помахивали хвостиками. Это были папа и дедушка маленькой Матильды. Мотя была щенком алиментным – за то, что Ларисин кобель полюбил Мотину мамашку-таксу, Ларисе полагался щенок.

Лариса извлекла довольно уродливое, сморщенное создание из-под тахты («Она от Брома и Трояна прячется, они ее гоняют»). Создание было цвета песка на

общественном пляже в черте города – флагмана индустрии и щурило спросонья глаза, но, едва придя в себя, ринулось щипать взрослых такс. Те лениво отмахивались. Можно себе представить, как долго и нагло нужно было доставать этих выдержанных псов, чтобы они начали «гонять» маленькую бандитку.

Лариса взяла с меня страшную клятву, что я буду ездить со щенком на притравку и получу охотничий диплом. Папашка щенка, Бром Исаич (названный в честь одной из такс Чехова, вторую, как известно, звали Хина Марковна) шел на «элиту» и для подтверждения его особо выдающихся данных нужно было, чтобы и его щенки были дипломированные. Я пообещала. Я могла тогда пообещать все что угодно, лишь бы заполучить желанную таксу.

– … И тогда вам дадут, – говорила Лариса, – охотничий билет без права охоты. У вас есть все шансы его получить.

– Охотничий билет без права охоты? – переспросила я, – Зачем он мне? Это все равно, что проездной билет без права проезда.

– Это будет охотничий билет вашей собаки, – раздраженно уточнила Лариса, – она будет иметь право охотиться. А вы – нет. Вам нужно будет отдельно получать разрешение, если вы лично захотите охотиться.

– Я, наверное, не захочу, – несмело предположила тогда я, – но охотничий билет без права охоты – обещаю вам – мы с ней, – я любовно глянула на крысообразного щенка, – получим.

И вот теперь пришло возмездие. Звонила Лариса и строгим голосом велела мне и Моте быть завтра с утра пораньше у чертей на куличиках за городом.

– Приезжайте в восемь часов утра, – тоном, не терпящим возражения, отчеканила Лариса, – пора уже вам притравливаться.

– На кого? – опасливо спросила я.

– На лису, – плотоядно уточнила Лариса, – но сначала надо выводку пройти. Аттестоваться.

Я посмотрела на восьмимесячного угловатого таксячьего подростка, доверчиво притулившегося рядом.

– Мы еще прививок не сделали, – робко попыталась соскользнуть я, – от чумки, от гепатита, от энтерита и еще от чего-то…

– Не надо мне этого! – грозно пророкотала Лариса, – мне надо, чтобы вы в субботу показались.

Ничего не оставалась делать, как дать очередную клятву быть в назначенное время в назначенном месте.

– Кто это? – спросил Антон.

– Звонила заводчица нашей Матильды, – потупив глаза, сказала я, – велит ехать на притравку. Но сначала на выводку.

– Доигралась!!!

– Но, Антон, – заломила я руки, – ты же знаешь, как все получилось. Стихийно! Но, в конце концов, вероятно, все это к лучшему. Собаке необходим свежий воздух и движение! Не хочешь же ты, чтобы Матильда походила на заплывшую жиром гиподинамичную болонку. Охота может стать ее призванием!

– Ха-ха-ха, – высказался Антон со всей откровенностью.

– Да! Матильда прирожденный охотник!

– Ну-ну.

– Что ты хочешь этим сказать?

– То, что я не собираюсь потакать апломбам тщеславных спекулянтов щенками и их прихотям!

– Тебя никто и не просит!

– Не хочешь ли ты сказать, что сама будешь ездить на эту притравочную станцию к чертям на куличики?!

– Однозначно!

– Твоя машина сейчас в ремонте!

– Но ее когда-нибудь починят. А завтра ты сможешь взять такси.

– Я так и знал!

– Пожалуйста, я могу поехать и на электричке!

– Если ты ее еще узнаешь в лицо. Возможно, тебя это отрезвит!

– Ты считаешь, что я живу в идеальном мире и оторвалась от реальной жизни!? Тогда позволь тебя спросить, кто в нашем доме ходит по магазинам, кто приносит еду, кто следит за хозяйством?!

– Ты, конечно, ты.

– И попрошу с уважением относиться к моим увлечениям!

– Охотой!

– Хотя бы и охотой. И не делай из меня домашнюю хозяйку! Я работаю! Я регулярно общаюсь с людьми, а также просматриваю газеты и телепередачи! Я независимая личность!

Я громко хлопнула дверью спальни. Антон минут десять в одиночестве злился на кухне, потом подумал, что охота на лис не самое ужасное в этой жизни и пришел мириться.

В ту ночь я долго не могла заснуть. Лежала с открытыми глазами и думала о своих подругах, об их странных пристрастиях и мудрых советах. И о предстоящей мне самой охоте. Между мной и Антоном, нагло положив голову на

подушку и вольготно развалившись на спине, дрыхла Матильда, слегка похрапывая. Она еще ни о чем не подозревала! Антон спал тихо, как младенец, и выражение его лица было безмятежно.

Глава 2

Итак, Антон наотрез отказался ехать на притравочную станцию, а также уступить для этой цели мне машину.

– Может быть, наконец, ты научишься отвечать за свои слова! – пророкотал он грозно.

Я вздохнула: что ж, он абсолютно прав. Он-то не давал дурацких обещаний и не должен теперь трепетать перед хозяйкой Бром Исаича. Но – в конце концов – что я теряю? Да ничего. Съезжу на эту дурацкую притравку, посмотрю. Может быть, мне еще и понравится охота! А если нет – не буду больше ездить на притравку. Да и вообще, из-за чего сыр-бор? Дело не стоит выеденного яйца. А на свежем воздухе бывать, между прочим, полезно!

Метро, электричка… От железнодорожной станции надо было еще ехать автобусом полчаса. Матильда извертелась в сумке и исстрадалась…

Надо сказать, что такса Мотя не переносила лая. То есть не каждый лай – а строго определенный, который различит и собака, и человек – этакое гавканье, агрессивное, недоброе тявканье, который, порой, позволяют себе отдельно взятые особи. Мотя не то что его боится – ей, воспитанной в холе и неге, эти звуки претят и не соответствуют ее радушному и благожелательному отношению к действительности.

Еще на дальних подступах к охотничьему хозяйству мы с Матильдой услышали это мерзкое, циничное потявкиванье. Им был пропитан ломкий весенний воздух – на все собачьи голоса – он носился над еще державшейся за снег землей. Мотя прислушалась и решительно, быстро-быстро, по-деловому заспешила было вприпрыжку обратно. Однако собак, как известно, водят на поводке. Мотя пыталась тормозить всеми четырьмя лапами, но – такова уж собачья доля – была

бесчеловечно дотащена, влекомая неволей, до эпицентра ненавистных звуков.

Здесь Матильда с недоумением косилась на окружающих псов, издающих столь неприятные звуки, и старалась держаться подальше от себе подобных. Если бы Мотя могла, она, несомненно, закрыла бы уши лапами. Но собака – существо природное. Ей и в голову не приходило самостийно корректировать действительность, раз уж действительность такова и от нее не удалось вовремя скрыться. Бедная Мотя!

Данная притравочная станция предназначена для норных собак. Каковыми являются: таксы, фокстерьеры, вельштерьеры (невыросшие эрдельтерьеры) и ягдттерьеры. Ягдттерьеры – невзрачные маленькие собачонки, черные, с короткой шерстью, похожие на облезлую дворняжку. Ягдты голосили особенно злобно, заводясь с полоборота. Какой-то сердобольный таксятник посоветовал мне держать свою собаку подальше от них:

– Провокаторы. Куснут исподтишка, такса в ответ огрызнется, а они на нее уже тогда, вроде как, с полным правом набрасываются, мол, на нас напали. Подлая собака – ягдт.

Я тревожно посмотрела на поникшую Мотю, взяла ее на руки, крепко прижала к себе.

– Но ягдта дома иметь, – зацокал языком рядом стоящий хозяин фокса, – работать не надо, он тебя прокормит. В охоте собака универсальная: хошь на кабана, хошь на птицу, хошь на волка, хошь, вот, на лису.

– Что верно, то верно, – нехотя признал таксятник, – но не для души.

– Не, не для души, – поддакнут фокстерьерщик, – не по этому делу, нет.

Я посмотрела на часы – через десять минут должна начаться выводка. Пора плестись на поле. Здесь уже веревочками обозначены два ринга: у одного толпятся таксы, поодаль – ягдттерьеры.

Ягдты, как им и свойственно, пакостными, звонкими голосишками лают друг на друга и вообще – на весь мир. Таксы общаются интеллигентно: приветливо и

доброжелательно. Они рады друг другу. Их хозяева – тоже. Наконец, не таясь, все они могут обсудить волнующие их эстетические проблемы.

– И все, все, что она делает, посмотрите, наполнено неизъяснимым изяществом, – говорила, счастливо улыбаясь, яркая блондинка, указывая на свою медного цвета таксу, которая, раскорячив задние лапы и подняв хвост, писала в сторонке. – Какие линии! Какая пластика! Балет! Настоящий балет!

Все понимающе и одобрительно кивнули: мысль, тайно посещавшая таксятников в часы уединенных прогулок, без обиняков высказана публично. И от этого каждый чувствует себя понятым и признанным в самых что ни на есть сокровенных чувствах.

– А какие у них одухотворенные физиономии, – кивнул головой мужчина лет пятидесяти, обращая внимание собравшихся на такс, вынюхивающих траву и интимные места друг у друга, – потрясающее соединение природного ума, энергичности и тонкой душевной организации.

Мимо проходящий ягод, злобно натягивая поводок, зашелся в бешеном брехе. Таксятники с презрением и брезгливостью посмотрели на него, но, встретившись снова глазами друг с другом, заметно потеплели лицами.

– А, уж какие они умные! – слышится снова. – Моя, чуть ее начнешь ругать, в обморок падает. Первый раз я перепугалась до смерти: лежит, лапки вверх задрала, глаза закатила, не дышит, не шевелиться… Вот такая притвора.

– Да, да, – радостно соглашались таксятники, – это им свойственно.

– Спит мой, конечно же, со мной под одеялом…

– Да-да-да, – смеются присутствующие, – они такие. У нас – то же самое…

– Моя вообще считает, что это я у нее угол снимаю. Ну, ничего. Терпит меня пока. Любит, наверное, – улыбчивая дама в синей нейлоновой куртке ласково поглаживала подбежавшую черно-подпалую таксу, – потерпи, потерпи, сейчас начнут, я понимаю, тебе надоело, потерпи, роднуля…

Начали, как водится, с кобелей. Чопорно шли хозяева по рингу, делая круг за кругом. Их таксы, сбиваясь с шага, тянулись друг к другу, писали и какали по дороге и совершенно наплевательски относились к судьям, в отличие от своих хозяев, которые подобострастно и одновременно с вызовом заглядывали в глаза арбитрам.

– Почему, собственно? – сварливо «возникала» нейлоновая дама, – почему вы меня назад передвигаете?

– Потому что вы эксперту зубы не показываете, – говорила экспертша строгим ровным голосом. – Мы судим по международным стандартам. По международным стандартам, если собака эксперту на ринге зубы не показывает – сразу балл снимают.

– А почему, собственно, мы вам должны свои зубы показывать? Вы нам, в сущности, совершенно чужой человек, – продолжала недоумевать дама.

– Потому что, – экспертша начала заводиться, но все еще сдерживалась, – охотничья собака должна быть доброжелательна ко всем людям без исключения. Я вообще имею право забраковать вашего кобеля. То, что он зубы не показывает – это изъян в породе.

– Изъян в породе!? – взвизгнула оскорбленная до глубины души нейлоновая дама. – Да мы самые добрые в мире! Мы – добрые! Но не до такой де степени, чтобы здесь стриптиз публичный устраивать! Зубы – это интимное!

Вторая девушка-судья между тем подошла к песику нейлоновой дамы, спокойно открыла ему пасть и проверила прикус.

– Вот и хорошо.

– А вы тренируйтесь, – не сдавалась первая экспертша, – просите кого-нибудь из прохожих на улице зубы собаке посмотреть. Охотничья собака должна всем беспрепятственно зубы показывать.

Ягдты ходили по соседнему рингу, лениво побрехивая. Вели их исключительно мужики. В отличие от хозяев такс ягдшатники держали собаку эксклюзивно из

соображения практического применения. Оно и понятно: кто же будет держать такого злобненького, неказистого на вид пса для услады души? То ли дело такса. Красавица!

Матильда тоже с большой неохотой показала экспертше зубы, но получила по экстерьеру «очень хорошо» – высшую оценку для молодняка. Мне незамедлительно выдали грамоту, где крупно было напечатано: «Ольга Звонарева. Сука. Оч. хор.». Чуть помельче указывалось, что к этому диплому кое-какое отношение имеет и такса по кличке Матильда. Которая, впрочем, никак не реагировала на получение почетной награды, поскольку устала от волнений и обилия новых впечатлений.

Недалеко от ринга толпились мужики с собаками, обсуждали выводку, хвастались своими псами.

– Твоя-то ничего, собака. Только беднокостная больно, – попенял молодому, коротко стриженному парню мужик странного вида.

На странном мужике была старая, засаленная, потрепанная донельзя телогрейка, из которой тут и там торчали пожелтевшие клочья ваты, а голову венчала импозантная широкополая черная шляпа.

– Поклеп! – возмутился его визави. – Клеветнические измышления!

– Косточки слабоваты, слабоваты, – настаивал на своем обладатель заслуженной телогрейки, – узковата, узковата ваша барсучка.

– Может, и узковата, – не устоял коротко стриженный, – зато азарт какой! Какое рвение! А ваша, ваша-то вон, в кобелиных ладах, грубая, мужиковатая…

Человек в черной шляпе вспыхнул:

– Му-жи-ко-ва-та-я-я? Ах, ты вонявка! Да нежней моей Буби нет собаки на свете! Ого! Мужиковатая!

– И лапа у нее не в комке, – решил совсем уж добить оппонента, жестоко отомстив за свою собаку, тот, кто был без шляпы. – Глянь, не в комке же, –

вовлек он в судьи и меня.

– Да нет, – я хоть и не поняла, о чем идет речь, но решила, что грациозная чернявенькая Буби не заслуживает такой суровой аттестации, а ее хозяин, так близко принимающий к сердцу критику, нуждается в поддержке, – в комке вроде, да, точно в комке…

– Вот видишь, – приободрился человек в шляпе, распахивая свою телогрейку, – нечего тут мою собаку хаять. Оболгал совсем животное!

– И локти вывернуты, – стоял на своем стриженый, – люди добрые, гляньте! – апеллировал к общественности. – Локти-то вывернуты!

– Да я щас тебя придушу, гад, – угрожающе двинулся на ругателя шляпа в телогрейке, – чтобы я кому разрешил так о моей собаке говорить! Да она у меня только золото берет, а ты ее так поносишь, сволочь!

– Да я что? Я – пошутил. Ха-ха. – попытался замять стриженый.

– Я те пошучу! – шляпа схватил критикана за шкирку и встряхнул пару раз. – Извиняйся щас же.

– Извини, был не прав, – счел безопаснее проблеять стриженый.

– Вот и нечего, – шляпа не совсем аккуратно опустил критикана на землю и отодвинулся брезгливо, – а то локти, ты ж понимаешь, ему вывернуты. Да моя Буби – королева красоты, не то что там локти!

Он обвел присутствующих тяжелым, недобрым взглядом. Задержался на мне, поманил пальцем:

– А ты пойди сюда. Ты почему так хорошо в собаках разбираешься, а? Кинолог что ли? Конечно, специалист, – убежденно рявкнул шляпа, и толпа сочла благоразумным рассредоточиться – подальше от греха, – не то, что некоторые, кто ни хрена в собаках не петрят. Душил бы таких!

Я невнятно пролепетала что-то типа «не стоит, не стоит», однако подошла ближе к пышущему негодованием хозяину милейшей Буби.

– Василий, – сказал он и протянул руку.

– Ольга, – я ощутила крепкое рукопожатие и вежливо добавила: – очень приятно.

– Вы на машине? Тогда я вас довезу. А то тут те еще фраера, не знаешь, что от них ждать. Это ж надо, так мою Буби обидеть, – все никак не мог успокоиться Василий. – Бу! Невинное создание!

Под такие причитания мы удалились уже на довольно почтенное расстояние от вольера с искусственной норой, когда Василий вдруг хватился:

– Кстати, где она, Буби-то?

Волоча на поводке Матильду, мы потрусили обратно. К счастью, Буби была цела и невредима, просто засмотрелась на очередную расправу над дежурной лисой.

– Буби, – ласково пожурил ее Василий, – кругом одни враги, а ты расслабляешься. Разве можно?

Он сгреб собаку в охапку и выпустил уже возле громадного джипа цвета темно-зеленый металлик. Облик машины был так же грозен, как наружность танка. Представительский этот вид совсем не монтировался с зачуханностью пролетарской телогрейки, и я высоко оценила независимость своего нового знакомого от мелкобуржуазной страстишки к одежде из дорогих бутиков. Впрочем, черная широкополая шляпа из тонкого фетра была, по всей видимости, как раз оттуда. Но, в конце концов, надо же человеку где-то покупать шляпы!

Бу и Матильду запустили на заднее сиденье, они тут же залезли каждая в свою сумку и задрыхли, измученные своими охотничьими приключениями.

Внутри машина Василия была похожа на космический корабль: на приборном щитке мигали разноцветные лампочки, немыслимое количество кнопок, свидетельствовало о том, что все это контролируется компьютером, поскольку человеческий разум не в состоянии удерживать в памяти такое многообразие

функций. Коробка передач была автоматической, и я подумала, что это явный недосмотр, поскольку, судя по всему, Василий был не из тех людей, которые могут смириться с отсутствием возможности форсировать события.

Усевшись за руль, Василий небрежно кинул шляпу на заднее сидение, обнажив округлый лысый череп, обернулся и недвусмысленно потряс могучим кулачищем, видимо, в адрес воображаемого противника.

– Стоит ли, все же, так переживать? – осторожно поинтересовалась я.

– Да, ты права. И из-за кого переживать? Они собаку-то от кошки сроду не отличат. Они и на охоте-то настоящей никогда не были. А туда же – оценки раздавать. А те, у кого такс нет, – вообще с ними невозможно дело иметь. Привяжутся вечно: «А у вашей собачки волосы не растут? Да, и талия низковата…» Тьфу. Дураки. Им бы только с пуделями дело иметь. А ты – молодец. Мало того, что ты в собаках досконально разбираешься, ты еще и за меня заступилась. А за меня вообще-то мало кто когда заступался. Да вообще-то никогда никто не заступался. Вроде как я сам могу за себя постоять, всегда считалось. Но иногда приятно, что за тебя кто-то заступается. Да. Прямо скажу: клево. А ты кто вообще, по жизни?

Даже после долгого раздумья я не смогла бы ответить на этот философский вопрос. А потому скромно предположила:

– Я, наверное, все-таки по жизни пионерка. Наивная, добрая. И доверчивая. Потому что опыт жизни ограничен, а идеалы – идеальные.

– А что? Похожа. Вполне, – одобрительно окинул меня взглядом Василий, – даже очень. А я тогда, наверное, по жизни – пес. Одинокий, бродячий пес, который предан тому, кого любит, но никогда не променяет свою свободу на миску похлебки, никогда не будет пресмыкаться. Да. И который рвет обидчиков в клочья! Сражается до последней капли крови! И всегда справедлив.

Я пристально взглянула на Василия: налысо бритый череп выглядел свирепо, спокойствие и уверенность, с которыми Василий управлял своим вездеходом, изобличали в нем многоопытность, прямой, открытый взгляд говорил о том, что у его обладателя чистая совесть. Из всего этого стройного видеоряда выбивалась одна только драная телогрейка.

– Вы, наверное, очень суеверны, – предположила я.

– Откуда знаешь? – хмыкнул Василий.

– Телогрейку-то, наверное, еще с первой удачной охоты носите.

– Да ты, слушай, не только в собаках сечешь, ты еще и психолог, в натуре! Ты замужем? Ну да, все умные бабы замужем, это конечно. Муж не обижает? А то я ему башку-то скособочу, ты только скажи! Я тоже за тебя буду заступаться, если что. Ты когда в следующий раз на притравку поедешь? Можем состыковаться… Ты где живешь? О! А я там часто бываю, в казино хожу. Грешу: рулетка – страсть моя.

– Их, вроде, запретили, казино-то…

– Олечка, – снисходительно глянул на меня Василий, – в нашей стране ничего нельзя запретить. Вот посмотри на меня. Что мне можно запретить?

– Ну да, – сказала я, – и собака у вас очень натренированная.

– О, Бу – это великая охотница. У нее есть даже диплом по барсуку!

– О!!! По барсуку! – с почтительный придыханием произнесла я.

Диплом по барсуку считался высшим достижением таксы. Лиса, хоть и хитра, но пасть у нее малюсенькая – покусает разве что. А вот барсуки бошки-то таксам откусывали, и не раз. Среди таксятников даже ходили страшные истории о том, что по весне, к началу охотничьего сезона по городу ездят специальные похитители такс. Охотнику-то, дескать, свою таксу жалко в нору пускать, вдруг там барсук, а не лиса, ведь никогда неизвестно, кто именно. Так вот они, охотники эти злобные, пускает вперед чужих, ворованных собак. Скорее всего, страшные эти истории про похищения были сказками. Однако считалось: если такса побеждает барсука – она достигает совершенства.

– Да, – гордо подтвердил Василий, – по барсуку!

– А есть ли тогда у нее охотничий билет без права охоты? – робко спросила я.

– А как же, – довольно кивнул Василий, – чего только я не делал, чтобы его получить для своей Бу! Как только они надо мной там, в своем кинологическом обществе не изгалялись, крючкотворы. Но я выдержал. Я ведь хотел сначала за бабки Буби охотничий билет купить. Но собачники, что ты, грудью встали: мы, говорят, за чистоту породы боремся. Это вам тут не дворянское собрание, титулы за деньги покупать, и графьям на крестьянках жениться! Здесь кинологический клуб! Потомки нам не простят, если мы утеряем рабочие качества породы в процессе эволюции! Короче, год на притравку таскался – все по чесноку. Пусть у собаки все будет, что положено! Без базару!

– Да, – решительно поддакнула я, – я вот тоже так думаю.

Мы уже въехали в город, двигались в плотном потоке машин, часто выезжая на встречную полосу для обгона.

– А теперь, – вдруг сказал Василий, – возьми собак на руки, держи их крепко и пристегнись – поедем быстро.

Я заозиралась, но ничего не заметила такого, что источало бы опасность. Но – если тебе не понятно то, что происходит вокруг тебя, слушай всегда того, кто все понимает и на данном этапе готов принять решение. Если, конечно, между вами есть доверие. Благоразумно рассудив таким образом, я дотянулась до ремня безопасности, висящего со стороны водителя, пристегнула сначала Василия, как наиболее ценного члена экипажа, перегнулась назад, подтащила с заднего сидения сумки, в которых безмятежно спали таксы, водрузила сумки на колени и пристегнулась сама.

– Можно спросить, кто за нами гонится? – все же решилась я поинтересоваться минут через десять.

Даже суперустойчивый джип не мог амортизировать неровности дороги, по которой несся с безумной скоростью, нарушая все мыслимые и немыслимые правила дорожного движения. Оставалось загадкой, как это мы еще до сих пор ни в кого не врезались, никого не сшибли, не задавили и сами не разбились. Собаки упорно норовили вылезти из сумок, так что мне было довольно сложно удерживать их.

– От ментов скок даю, – процедил сквозь зубы Василий, – а может, и не от ментов. Одна хренотень – не хочу встречаться сегодня ни с кем. Имею право? Незарегистрированный пистоль при мне. Взял, как дурак, пострелять хотел в лесу, потренироваться, этот говнюк все планы мои порушил со своими замечаниями. Буби, вишь, ему моя не понравилась! Козел! Голову убери.

Только теперь я обратила внимание на удручающе близкое завывание сирены, а совет Василия пригнуться совпал по времени с появлением на заднем стекле небольшой дырочки в окружении эффектно смотрящихся лучей-трещин.

– Если мы сможем от них оторваться, – сказала я, которой вовсе не улыбалась перспектива быть пристреленной во цвете лет, – вы нас с собаками высадите где-нибудь. И пистолет ваш давайте, я его к себе в сумку положу. А потом я вам его верну.

Василий кивнул:

– И, знаешь, мне, наверное, придется пропасть на некоторое время. Так мне кажется. Какие-то проблемы, чувствую, у меня.

Я тоже это чувствовала. Машину заносило на поворотах, а визг тормозов сливался с визгом с трудом выскакивающих из-под наших колес прохожих.

– Давай договоримся, через два часа в кафе у Таганки. Знаешь, у церкви, стеклянное, передашь пистолет моему корешу. Он подойдет к тебе, скажет: я от Васи Сугроба.

– Отлично, – сказала я, хотя не только отличного, но и ничего хорошего во всем этом не усматривалось. – А как он меня узнает?

– По Буби. Пароль – Буби. Вон, возьми в бардачке борсетку мою. Ты в нее не заглядывай – на всякий случай. Меньше знаешь, лучше спишь, в натуре. Поняла? Борсетку корешу моему и отдашь, в ней пистоль и лежит. А Буби… Буби тоже ему отдашь. Он, правда, в собаках ничего не понимает абсолютно.

– Тогда, может быть, Буби поживет пока у нас? – пожалела я животное.

– Спасибо тебе, – Василий расчувствовался, на секунду отвлекся от дороги и едва успел вывернуть руль, чтобы не врезаться в придорожный магазинчик, – спасибо. Ты настоящий друг. И если что, Бу мою не бросай. Гуляй с ней два раза в день, не больше. Рыбу она не ест. Консервами тоже не трави…

Возможно, я смогла бы получить более подробные инструкции по поводу содержания Буби, но только, видимо, Василию удалось все же оторваться от преследователей. Джип круто затормозил, и я пришла в себя посреди незнакомого двора с двумя таксами на поводке, с небольшой кожаной борсеткой и с неясным чувством тревоги, впрочем, небеспричинной.

Ровно через два часа я сидела в стеклянном кафе, и Буби смиренно примостилась под столиком, привязанная для сохранности к его ножке, а борсетка Василия конспиративно лежала в неброском целлофановом пакете.

Поскольку Антон должен был быть дома, я не стала заходить домой. Не объяснять же ему, в какое идиотское положение я попала. А ведь он предупреждал! Правда, Антону в голову не могло прийти, до какой степени ситуация будет идиотской. Тем более не хотелось Антона волновать. В конце концов, я сейчас отдам собаку и оружие другу Василия и явлюсь домой, как ни в чем не бывало!

А Матильду я пока отвела к Поли. Появившись у нее на пороге с двумя таксами, смущенно залепетала:

– Скажи, пожалуйста, Поли, э-э, ну, в общем, как бы тебе сказать, э-э-э… То есть не подумай чего-нибудь…

– О тебе что ли? – уставилась Поли на меня, пунцовую от смущения. – Что о тебе можно подумать?

– Ну, мало ли… Вот если я попрошу тебя оставить у себя на час-другой Матильду. Только не говори об этом Антону, пожалуйста. Может быть, тебе покажется странным…

– Что может быть странного в твоей жизни? – Пожала плечами Поли. – Ты конченый человек. И не надейся.

Через стеклянную стену кафе была видна улица. Я размышляла о новом для меня ощущении охотничьего азарта, о том, что Матильда, конечно же, развращена диванной жизнь, но если бы Мотя была более воинственной, она не была бы уже такой нежной и трепетной. Нет совершенства в подлунном мире!

«Ну а что касается смысла этих притравок, – как бы отвечая Антону, подумала я, – так, конечно же, его мало. Впрочем, как мало смысла практически во всем происходящем вокруг нас. И вообще, вопросом „Зачем?“ можно уничтожить абсолютно все. Зачем мы живем на свете? Зачем я заказала этот кофе? Зачем людям лазерные шоу? Зачем Бог создал Землю? Не говоря уже о том, зачем он создал Человека. А черепаху? Не говоря уже о таксе! Но просто творчество самоценно – вот и все».

К столику подошла тоненькая женщина в белом халате, наклонилась и положила перед Буби бумажку с мясными обрезками. Буби тут же, радостно помахивая хвостом, стала поедать так неожиданно предложенное блюдо.

– Спасибо, – сказала я.

– Приходите. У нас много остается этих обрезков.

– Спасибо.

– Девчонки из торгового центра даже суп из этих обрезков варят. А вам я так, бесплатно их буду давать. Я собак люблю. Они не то, что люди, от собак никакой подлянки никогда не ждешь. Я с собаками пять лет в цирке работала, знаю… Теперь вот здесь посуду мою… Так что приходите…

Похоже было на правду: подбородок по-актерски чуть вверх, и накрашена любительница собак была именно так, как красятся те, кто хоть раз в жизни имел дело с гримом: обводила глаза тоненькой линией, словно рисовала вместо своих глаз новые, побольше.

– Спасибо…

Циркачка ушла мыть посуду, а я снова посмотрела на улицу и, чуть не вскрикнув от неожиданности, вскочила: у темно-зеленого джипа, очень похожего на джип Василия, два дюжих мужика мрачно теснили какого-то здоровяка, а тот, как бы шутливо подняв руки, медленно отступал к белому пикапу с ярко-оранжевой надписью «Аварийная служба». Буби подняла голову и зарычала. Я забарабанила в стекло, пытаясь привлечь внимание. Здоровяк поднял на меня глаза, криво улыбнулся, что-то сказал мужикам и, не оборачиваясь, полез в пикап.

Когда я выбежала на улицу, «Аварийной службы» и след простыл. Я даже номер не успела разглядеть.

– Боже мой, Боже мой, что же делать? Что делать?

Я метнулась к темно-зеленому джипу. Нет сомнений – это машина Василия. На заднем сидении его шляпа и сумка, в которой он возил Буби. Ключей зажигания не было видно. Дверцы закрыты. Полиция?

– Полиция! – надтреснутым от волнения голосом закричала я.

На меня стали оборачиваться прохожие.

Дул холодный ветер, я постояла-постояла на улице, да и вернулась в кафе.

Циркачка кормила Буби новой порцией мясных обрезков. Буби оторвалась от поедания, подняла голову, посмотрела на меня и стала, натягивая поводок, рваться на улицу.

«А что она может сделать? – с тоской подумала я. – Так же как и я – ничего. Абсолютно ничего. Она не понимает, что произошло. Так же как и я».

Я без сил опустилась на стул.

– Что-то случилось? – участливо спросила циркачка.

– Да, – сказала я, – наверное, что-то случилось.

Было обеденное время, но посетителей в кафе всего несколько человек. Суббота. Офисы сегодня не работают, и Таганка в выходные пустела – не спальный район.

– Вы кого-то ждали, а он не пришел? – тихо и грустно проговорила циркачка.

Мне стало жалко себя, и я заплакала. Спохватилась, быстро оделась и ушла.

* * *

Антону я сказала, что нашла Буби на притравочной станции.

– Ты хоть оставила там наш телефон? Человек, может, с ума сходит. Мыслимое ли дело? Собаку потерять!

О пистолете в борсетке я умолчала. Антону хватает своих проблем на работе. Человек с утра до ночи вкалывает в нынешних ужасных капиталистических условиях! Зачем ему голову морочить ерундой всякой?

К тому же невозможно было обойти рассказом Василия, а неизвестно, как на него прореагировал бы Антон. Поверил бы Антон, что можно доверить самое дорогое, что у тебя есть – собаку и оружие – женщине, которую ты в первый раз видишь? Поверил бы? Я сомневалась в этом.

Такса Бу пока не проявляла никакой тоски по своему хозяину, а увлеченно носилась по дому за Матильдой. Потом они менялись ролями. От их мельтешения рябило в глазах, а ведь совсем недавно я умилялась шутке таксятников про то, что лучше таксы могут быть только две таксы! Однако я нашла в себе силы не зацикливаться на ситуации. В конце концов, ничего особенного не произошло.

А. Пистолет вполне подождет своего хозяина в укромном месте, куда не мог бы случайно заглянуть Антон.

Б. То, что Василий – человек трудной судьбы, ясно и без песен. Но, можно подумать, я до этого бандитов не встречала! Ха! Один Мокрухин чего стоит! Сейчас от бандитов уже никто и не шарахается. Нельзя жить в лесу и

шарахаться от каждого дерева.

В. Новые, довольно-таки неприятные ощущения от обстрела, в который я попала… Тоже не такое уж уникальное происшествие. Перестрелки случаются в Москве часто, то, что я до сих пор не попадала в какие-нибудь переделки – чистая случайность. Статистическая погрешность.

Г. То, что на глазах у меня похитили человека, – тоже не эксклюзив никакой.

Однако все-таки надо бы напрячь память и вспомнить, как это происходило. И, может быть, даже записать какие-то детали, чтобы не забыть. Когда объявится Василий все же, наверное, ему будет интересно, куда же делся его «кореш».

Да и самого «кореша» жалко. Может быть, он нуждается сейчас в помощи, в простом человеческом участии. То есть наверняка.

Но что можно предпринять?

Что?

Найти каких-нибудь друзей Василия. Но как? И что им сказать? Ведь я-то Василию, не говоря уже о его «кореше», в сущности, совершенно посторонний человек. И жив ли еще этот «кореш»? А Василий? Жив ли? Нет, нет, не хотелось думать о плохом. А о хорошем думать хотелось, даже очень.

В полицию заявить? Я мысленно стала проговаривать текст, который сказала бы в полиции дежурному полицейскому, очень ясно увидела круглые удивленные глаза этого стража порядка и оставила эту дурацкую идею. А что, собственно, я видела?

Я закрыла глаза, сосредоточилась и попыталась представить себе эту картинку. Вот белый пикап, вот две громоздкие спины в кожаных куртках-пилотах, вот люди, идущие мимо… Стоп. Конечно, кто-то шел мимо. Но вот человек, который стоял на противоположной стороне улицы, был неподвижен. Именно, именно! Он стоял и просто смотрел на все происходящее. И когда я выбежала из кафе – тоже стоял.

Я попыталась припомнить его лицо. Нет, не получается. Он стоял довольно далеко. Невозможно было рассмотреть. Хорошо, хотя бы силуэт, хотя бы общее ощущение, хотя бы…

– О чем ты думаешь? – нежно спросил, наклонившись, Антон.

Я вздрогнула, непроизвольно отшатнулась от мужа и, испугавшись такой собственной реакции, жестко проговорила:

– Сколько раз можно просить, не подкрадывайся ко мне так тихо, когда я думаю.

– Ну, извини…

Обиделся. Конечно, обиделся. Я бы тоже обиделась, если бы меня вот так шуганули в грубой форме. Но сейчас некогда, некогда отвлекаться, нужно срочно припомнить, что за человек стоял на противоположной стороне улицы. Я снова попыталась сосредоточиться. Вспомнила даже проходившую мимо тетку в малиновом берете, а того, кого нужно, – нет, не вспомнила. Не обратила на него внимания. Ничем он не был примечательным, вот и не обратила.

Да! Это мог быть просто случайный прохожий. Если бы кто-нибудь из команды похитителей наблюдал за похищением, он не застыл бы с открытым ртом посреди тротуара. Сидел бы себе спокойненько в машине и смотрел. И никто бы ничего не заметил.

А, между тем, Василий скрывается, отлеживается на дне и, возможно, даже не предполагает, что его «кореш» в руках злоумышленников!

Но, может быть, эти двое были из милиции. И я наблюдала вовсе не похищение, а законное задержание правонарушителя!

В конце концов, имеет же право милиция задерживать бандитов, когда хочет и где хочет, никого не ставя в известность. Возможно, «кореш» Василия и предупредил бы меня: дескать, прости, передавай Василию привет. Но не хотел, чтобы милиция на меня обратила внимание. Потому что у меня был пистолет. Доказывай потом, что это не твой пистолет. Да и вообще… Пистолет-то стражи порядка отберут. А Василию он, возможно, еще и пригодится. Для самообороны.

У меня даже голова разболелась. Как быть, как быть? Милиция бандиты… Все так похоже, все так смешалось…

Предположим, если «кореша» законно арестовала милиция – возникает вопрос: должна ли я вообще попытаться предупредить об этом Василия? Возможно, из соображений высших государственных интересов Василий не должен знать, что его дружок уже не разгуливает на свободе. С другой стороны, Василий такой симпатичный, такой славный, так трогательно заступался за свою Бу… А среди милиционеров тоже, между прочим, бывают коррумпированные личности! И вообще, всем известно, что тюремные камеры переполнены, не соблюдаются элементарные санитарные нормы, люди спят по очереди! И все это происходит еще до приговора суда! Еще на стадии предварительного следствия! Может быть, Василий был бы и рад искупить свою вину – хотя вид у него был, признаться, совершенно не виноватый, а довольно-таки бравый и хозяйский. Но даже если бы и хотел искупить. Кому охота в таких условиях в тюрьму садиться?

И вообще, почему это я сразу решила, что Василий бандит?

Я даже вскочила от неожиданной мысли: действительно, почему это я сразу решила, что Василий какой-то уголовник, какой-то нарушитель правопорядка?! Вот как легко на человеке поставить клеймо! Где же мое правовое сознание?!! Где же святое отношение к презумпции невиновности?!! Как можно так низко пасть?!! Ну и что, что он похож на бандита? Они, надо сказать, все ужасно одинаковые. У них одинаковые прически, они носят одинаковые часы, одинаковые золотые цепи, даже музыку слушают одинаковую, у них одинаковые выражения лиц – гремучая смесь самоуверенности и безразличного отношения к окружающей действительности. Но ведь Василий вовсе не такой. Прическа у него, конечно, похожа. И золотая цепь, и часы… И музыка в машине такая же – умпа-умпа-умпа. Ну, а больше-то, что в нем бандитского?!

Вот сравнить Василия хотя бы с Мокрухиным. День и ночь! А то, что в речи Василия часто употребляются жаргонные слова, явно принадлежащие определенной прослойке общества, так у нас теперь все так говорят. От президента до учительницы в школе – по фене все ботают. Что ж тут такого? Да, да, Василий совершенно не обязательно бандит, вовсе даже не обязательно.

И «кореш» его повел себя, в общем-то, благородно. Не стал тыкать в меня пальцем и рассказывать всем, что у меня есть пистолет.

Удивительно, как это мы легко делаем выводы! Ну, подумаешь, на джипе ездит. Так, может, он его заработал! Честно!

Правда, на банковского служащего Василий не похож, нет. На юриста, пожалуй, тоже. На экономиста – нет, не похож. Предприниматель? Кто у нас еще может честно на джип заработать? Глава какой-нибудь администрации! Невозможно представить себе Василия, просиживающего штаны в скучной чиновничьей клоаке. Нет, ему, конечно, подходит какой-нибудь более подвижный образ жизни. Может быть, он спортсмен?

Короче, надо срочно искать Василия или хотя бы его знакомых. Он говорил, что часто бывает в казино. Игрок! Там поспрашивать. Василий – личность яркая. В казино наверняка его многие запомнили! Иначе и быть не может. Да, да, да, я, помнится, сказала, что живу в районе Таганки, а Василий тогда заметил, что часто тут бывает в казино. Ну что же. У Василия в казино и приятели наверняка есть. В конце концов, почему бы мне не зайти сегодня вечером в казино?

Я открыла интернет – нашла в поисковике слова «нелегальные казино», и мне вывалился целый ворох сайтов. Некоторые были даже с маршрутами проезда. В районе Таганки нелегальных казино было целых три. Я решила начать с самого большого – не будет же Василий мелочиться.

Лучше было бы пойти в казино, конечно, с Антоном. А вдруг все это было просто недоразумение, и мы встретим там Василия, и он бросится радостно ко мне и потребует обратно свою собаку и пистолет? Сцена может получиться для Антона не совсем понятная. Нет, я отправлюсь в казино одна. В конце концов, что я, не имею права поиграть немножко в рулетку? Но Антон, конечно, не поймет, если я скажу, что пойду ночью в казино. Одна! Или поймет неправильно. Или будет волноваться за меня.

И я сказала Антону, что сегодня вечером поеду в гости к подруге по институту.

– Ты ее, наверное, не помнишь. Ольга Веровенко. Она на курс старше училась. Так, созвонились что-то, решили повидаться… Ты не против? – как можно небрежнее спросила я, с ужасом чувствуя, как все это невероятно фальшиво и заискивающе звучит.

– Поезжай, конечно, – сказал Антон дрогнувшим голосом.

Мне было стыдно. Может, пока не поздно отступиться? В конце концов, если Василий захочет, он сам как-нибудь да найдет свою собаку. Не иголка в стоге сена. Просто чаще надо бывать на притравочной станции, вот и все. Существует же правило: если вы потерялись, стойте на одном месте и вас рано или поздно обнаружат спасательные службы. Хорошо бы, конечно, чтобы к тому времени вы еще были живы.

Буби надоело носиться, и теперь она лежала у двери почти недвижно. Мотя, присмиревшая, уже не пыталась вызвать Буби на игру, из уважения к ее страданиям тоже лежала распластавшись, но в кресле, иногда вздыхая и закатывая глаза. Буби периодически подходила к миске с водой, окунала в нее язык, делала пару вялых движений… На это невозможно было смотреть. Черт побери, где же Василий?!

– Что, я уже не могу съездить к подруге? – с вызовом воскликнула я.

– Можешь, конечно.

Пока не поздно, надо все рассказать Антону и пойти в казино с ним. Да, да, так и надо поступить.

– Антон, – начала я, – я хочу тебе сказать…

– Уж не думаешь ли ты, что я ревную?

– А что, нет?

– Конечно, не ревную.

– Как это? Не ревнуешь!?

– Это было бы неуважением по отношению к тебе.

– Так значит, я могу идти куда угодно?

– Конечно.

– На все четыре стороны. И тебе абсолютно все равно?!

– Я тебе доверяю.

– «Доверяешь»?! Ты прикрываешься красивыми словами! Тебе просто наплевать на меня – вот и все.

– Оля, но было бы глупо с моей стороны ревновать тебя на ровном месте.

– Ты хочешь сказать, что я уже так растолстела, что уже никому и не понадоблюсь?!

– Я другое имел в виду…

– Что я уже не в состоянии вызвать ни у кого никаких чувств?

– Это не так!

– Вот она, благодарность за мою преданность и самопожертвование!

– Да нет же…

– И в самом деле, мой альтруизм уже переходит границы здравого смысла.

– Ты неправильно меня поняла…

– Я тебя поняла правильно! – трагически заключила я, – и поэтому я уезжаю! А ты задумайся! Возможно, тебе стоит пересмотреть свои взгляды на меня, как на рутинный атрибут твоей жизни.

Я громко хлопнула дверью. Вот так-то! А я-то переживаю, что Антон как-то не так поймет возникновение этого странного Василия. И пусть не так поймет! Пусть хоть немножко поревнует. А то, в самом деле, я все время дома да дома. Как мебель!

Я горела праведным гневом все двадцать минут, пока шла до казино. Решительно прошла через металлоискатель, нервно продемонстрировала содержимое сумочки охраннику, мельком заглянула в игорный зал и направилась в бар. Взяв бокал красного вина, я незамедлительно осушила его и заказала еще.

– Простите, – сказала я бармену, – знаете ли вы человека, которого зовут Василий? Такой большой. В шляпе. Охотник.

Бармен молчал.

– Сугроб. – Я припомнила и эту подробность.

Бармен выдержал паузу и очень вежливо и коротко ответил:

– Простите, нет.

– Вы меня не поняли, – четко и раздраженно выговорила я, – мне не нужен он сам. То есть… Мне нужен кто-нибудь, кто его знает, лучше, конечно, тот, кто с ним дружит.

Вышколенный бармен чуть качнулся, однако, все так же вежливо ответил:

– Извините, но я не знаю, о ком вы говорите. У нас тут многие бывают. Заведение пользуется большим успехом.

О! Ирина тысячу раз права: все мужчины одинаковые! Да, раньше Антон проявил бы несравненно большую заинтересованность, если бы мне вздумалось на ночь глядя уйти из дома явно под надуманным предлогом. Все эти его отговорки типа: я тебе доверяю – разумеется, блеф. А что он мог еще сказать? Катись на все четыре стороны? Он слишком интеллигентен для таких слов!!!

– Только не говорите, что вы не знаете, кто такой этот Василий, – грозно предупредила я бармена и заказала третий бокал вина.

Да, это было крайней самоуверенностью с моей стороны ничего не замечать, ничего не видеть, ни на что не обращать внимания. И еще иронизировать по

поводу бедной Ирки, которая оказалась в таком же положении!

Все эти поздние задержки на работе, все эти, якобы срочные, дела на выходные и праздники… Конечно, мужчины полигамны – это известно всем. К тому же я практически ровесница Антону, мне уже 40 лет!!! А вокруг так много молоденьких, хорошеньких девушек. К тому же наглых (!!!), которые совсем не прочь принимать знаки внимания красивого, умного, доброго, обеспеченного мужчины, если ему (О, Боже!) изрядно поднадоела его растолстевшая жена.

– Я думаю, – жестко и довольно-таки злобно сказала я, – что ваша профессия должна была вас многому научить. Когда вас о чем-нибудь просят, подумайте о том, что будет, если вы эту просьбу не выполните!

Я отхлебнула большой глоток вина и попросила у бармена сигарету. Вообще-то я года три назад бросила курить, но такой поворот в наших с Антоном взаимоотношениях, какой открылся сегодня, требовал утешения в пороке. Я глубоко затянулась, закинув голову, выпустила дым в потолок, стараясь повернуть вспять нахлынувшие слезы.

Как же я раньше не догадывалась? Все эти сю-сю-сю – только прикрытие! Теперь-то все яснее ясного – Антон просто делает вид, что любит меня, а на самом деле просто старается загладить свои измены. А я-то принимаю все за чистую монету. О, эти мужчины! Их коварству нет предела!!!

– Спросите вон, у того лысого…

Я вздрогнула.

– Вон, вон, – бармен говорил, не глядя на меня, в сторону, еле шевеля губами, – вон, стоит возле колонны. Только не смотрите сразу.

Я тут же, конечно, обернулась.

Возле колонны стояло два наголо бритых человека и беседовали друг с другом. Я повернулась было к бармену, чтобы уточнить, кого именно он имел в виду, но бармена так при этом перекосило, что я поняла, что строжайшая конспирация здесь вовсе не лишняя.

Расслабленной походкой я пересекла зал, купила в кассе фишек и в задумчивости побрела к колонне. «В толстоте, – подумала, – есть свои неоспоримые преимущества: никто не подумает, что такая толстая тетка – проститутка какая-нибудь. Да, такой толстой может быть только порядочная женщина!»

Лысые к тому времени уже переместились за стойку бара. Я нагло села рядом, заказала вина и попросила у лысых сигарету.

– Сегодня у меня такой ужасный день, – прокомментировала я свои действия, – просто ужасный.

Лысые, меланхолично пережевывая жвачку, посмотрели на меня. И я с трудом разыскала одно отличие между ними: у одного на лысом черепе выросли толстенькие уши в форме пельменей, на другом черепе ушки были остренькие. Да, прически у них такие же, как у Василия. Видимо, стригутся у одного и того же парикмахера. Но все же Василий выгодно отличался более осмысленным взглядом.

– В натуре, что случилось? – спросил тот, чьи ушки были как пельмешки.

Его тонкая, прозрачно-сероватая кожа свидетельствовала о неспокойном и нездоровом образе жизни, а выражение глаз не вызывали сомнения в повышенной злобности их обладателя. Вопрос, разумеется, был задан единственно от любопытства, однако он так растрогал меня, что я доверчиво провозгласила:

– Случилось страшное, – и для пущей убедительности, словно тельняшку на груди, распахнула полы пиджака. – Просто у меня больше ничего не осталось на этом свете. Стоит ли жить?

И горько разрыдалась, брызнув слезами на тонкий кашемир костюма своего собеседника.

Все это отчего-то показалось человеку со злобными глазками крайне забавным.

– Чем я могу помочь такой хорошенькой женщине? – сказал он, обнажая мелкие зубки пираньи.

– Хорошенькой? – переспросила озадаченно я.

– Угу… Разрешите представиться: Геннадий, – бархатно проговорил он.

– Ольга. Очень приятно. – Вот так-то! «Хорошенькой». Может быть, не все еще потеряно? Если я могу нравиться другим мужчинам, могу понравиться и собственному мужу. Изменщику!

– В долг, правда, дать не могу, – уточнил Геннадий, – давать в долг игроку – плохая примета.

Я зачерпнула фишек из кармана и продемонстрировала их.

– Ах, вы тоже о деньгах, – разочаровалась я, – я же имею в виду совершенно нематериальные ценности, да, да, вовсе не о них идет речь.

– Не о них? – вскинул светлые волоски бровок Геннадий.

Все вокруг стали чудовищно буржуазны, к этому я уже привыкла. Но не смирилась!

– Женщина, – продолжал Геннадий, – должна думать о красивых вещах, о вкусной еде, об удовольствиях…

– Какая еда?! – с негодованием вскричала я, – Я на диете! А страдаю я здесь из-за того, что мой муж охладел ко мне, – я сочла нужным все же объясниться.

– Фи, муж, какая пошлость! Женщина такая аппетитная как вы – должна легко и красиво кружить по жизни, меняя мужчин, как перчатки. Берегите себя! Какие могут быть диеты!? Только такая женщина достойна звания королевы. А вы: муж, муж. Бе-е.

– Но что же делать, если он все же есть?

– Забудьте о нем. Вокруг так много мужчин, могущих подарить вам минуты наслаждения, – заметил Геннадий и пододвинулся ближе.

– Но нынче настоящего мужчину не так-то легко найти!

– Конечно. Но они есть! – заверил Геннадий и часто-часто задышал мне в ухо.

«Он имеет в виду себя!» – с ужасом догадалась, наконец, я. И мстительно заметила:

– Вот уж и повезло вашей жене!

Геннадий сделал в пространстве некий небрежный неопределенный жест, который, вероятно, должен был обозначать как бы виртуальное наличие жены, но в то же время как бы и ее полное виртуальное отсутствие.

– А вот если бы она ушла на ночь глядя из дома, вы бы не стали ее ревновать?

– Она бы не посмела так поступить со мной!

– А если?!

– Нет, никогда!!!

– И все-таки!

– Я пристрелил бы ее, как собаку!

– Счастливая женщина! Она любима! А вот мой муж…

Я вытащила из кармана платок и безутешно уткнулась в него.

– Впрочем, – сказала я, громко сморкаясь, уже слегка успокоенная (как все же иногда бывает полезно поделиться с ближним своей бедой!), – что мы, обманутые в лучших своих чувствах, собственно, можем предпринять в таких условиях? В таких условиях мы можем только молча страдать, пытаясь

становиться все лучше и лучше, все совершеннее и совершеннее, – Я все же всхлипнула напоследок еще разок, от жалости к собственным недостаткам, которые предстояло изуверски изничтожить. – И, может быть, тогда мы сможем вернуть любовь…

– Разрешите представить, – Геннадий указал на своего лысого приятеля, угрюмо сидевшего рядом, – это мой друг Цинк.

– Очень прийто, – соврала я.

– А это Ольга, – любезно заметил Геннадий.

Цинк мрачно кивнул головой и превратил в один глоток стакан виски. Бармен тут же услужливо пополнил емкость.

– О чем базар? – светски поинтересовался Цинк.

– О жизни, – ответила я.

– О превратностях любви, – уточнил Геннадий.

– Не волнует, – сжато изложил свою позицию его товарищ.

– Почему? – удивилась я.

– А потому, – сказал Цинк и опрокинул в себя второй стакан виски.

– Не хотите ли вы сказать, – воскликнула я, – что любовь не стоит того, чтобы о ней говорили?!

Цинк поднял на меня мутный взгляд, который я выдержала с трудом.

– Хочу, – краткости его ответов позавидовал бы Чехов.

– Но вы лукавите! – не сдавалась я. – Не может быть, чтобы вы не нуждались в тепле и ласке. В тепле, ласке и внимании нуждается каждое живое существо. И

я никогда не поверю, что вы – исключение!

– Твои проблемы.

– Вы, наверное, просто шутите…

– Нет.

– Хо-хо, Цинк, не перечь даме, – счел нужным разрядить обстановку Геннадий.

– Засунь свои советы себе в жопу, – угрюмо процедил Цинк.

Да, Антон Павлович однозначно отдохнул бы со своей лапидарностью.

– Иди туда сам, – обиделся Геннадий.

Хмурый Цинк стукнул своим массивным кулаком по стойке бара, снова влил в себя виски и свирепо уставился в одну точку.

– Ну, хорошо, – покладисто сказала я, – сколько людей, столько и мнений. А вот мой знакомый Василий Сугроб говорит…

– Всем оставаться на местах. Руки из карманов!

Толпа людей в камуфляже, в черных шапочках с прорезями и с автоматами наперевес дружно ввалилась в зал.

Лысые послушно подняли руки вверх. Я – тоже.

– Господа! Всем – на пол. Лицом – вниз, руки за голову, господа. Дамы лицом к стене, руки в гору!!! Сохраняйте спокойствие! Обычная проверка документов, господа…

Мужчины рядом со мной, кряхтя, опустились на колени, затем вытянулись на полу, привычно держа руки на затылке.

Я стояла в растерянности. Кто-то в камуфляже подтолкнул меня дулом автомата:

– К стене! Лицом к стене!

– Господа! Предлагаю сдать добровольно оружие и наркотики! – этот голос показался мне до боли знакомым!

– Эй, маруха, слышь, к тебе обращаюсь, – услышала я совсем близко.

Я скосила глаза вниз. Внизу виднелось два распростертых на полу тела с двумя голыми черепами.

– Тебе, тебе говорю, – сказал, не поднимая головы Цинк, я опознала его по острым ушам, – у тебя документ какой-нибудь есть?

– Это вы меня марухой назвали? – задохнулась я от возмущения.

– Да тихо ты, чего блажишь? Какая разница, как назвали? Ты скажи, документ у тебя есть?

– Ну, права есть, – припомнила я.

– Тогда, слышь, тебя отпустят скоро. Слышь, за отдельное вознаграждение, позвони другану моему, скажи, что Цинк застрял, скажешь? Скажи, взяли Цинка для проверки личности, скажи, трое суток ему корячится. Но, передай, Цинк в «Дольче вите» успел побывать. Запомнила? В «Дольче вите», скажи, Цинк побывал. Позвони, мой друган тебе тонну баксов отсыпет. Гадом буду!

– Вы ему сами и позвоните, другану вашему, – я твердо решила больше не ввязываться ни в какие истории. Хватит! И не буду я выполнять никаких поручений и просьб незнакомых граждан сомнительного поведения! Еще чего! – По мобильному вон своему и позвоните.

– Ты дура, да? – взревел Цинк.

А Геннадий ткнул его локтем тихонько и лилейным голосочком проговорил:

– Да ты не бойся, мы тебя не обидим. Запомни номер, позвонишь, бабки получишь с благодарностью – и все. Ну, выручи, что тебе, жалко что ли? Застрянем мы здесь, а другана предупредить надо, он волноваться будет. Ну, пожалуйста, – он два раза повторил номер телефона.

Я подумала и решила, что позвонить, в конце концов, можно. В милиции могли и не дать позвонить. Да, позвонить можно. Что ж не позвонить? Тем более что к этим лысым у меня был свой интерес: он знаком с Василием.

– Ну, глядите, – сказала я, – долг платежом красен. А ваш друг не знает случаем Василия?

– Знает! – слишком быстро сказал Цинк, – ты позвони только.

И лысые хором стали истово божиться, что никогда не забывают добра. Один даже привстал с пола, чтобы продемонстрировать «вот те крест» не на словах, а на деле. Но тут же получил дубинкой по голове от бдительного омоновца. И, видимо, больно получил, потому что надолго замолк.

– О, неужто знакомая.

Я обернулась. Так и есть. Улыбчивый оперуполномоченный Костя.

– Костя, привет, – сказала я, – что, опять на Мокрухина покушались?

– При чем тут Мокрухин? – обиделся Костя. – Что я, только по Мокрухину работаю? У меня и без Мокрухина дел непочатый край.

После необходимых формальностей, сводившихся к проверке документов и личному досмотру, мне разрешили покинуть казино.

Я вышла на улицу. В ночь.

Шел мокрый снег. Я миновала несколько кварталов и завернула за угол.

У тротуара стоял милицейский «форд» с мигалками. Чуть поодаль посреди тротуара переминались два парнишки в военном камуфляже. На противоположной стороне широкого проспекта припарковался неприметный, цвета хаки, грузовик. Полог кузова был слегка откинут – видимо, ребятам приспичило покурить – торчало несколько короткоствольных автоматов. Над кабиной шофера читалась пафосная надпись: «Люди».

Это, несомненно, вселяло надежду. Тем не менее, мне вдруг остро захотелось залечь на асфальт, по-пластунски доползти до угла, а дальше, перекатываясь с живота на спину, как в кино, достигнуть какого-нибудь укрытия.

А если чего-то непреодолимо хочется – это непременно нужно сделать, даже если на тебе новое пальто – светлый крем-брюле, а под ним брючки в тон. Тем более что крещендо этого необъяснимого моего желания секунда в секунду совпало с совершенно недвусмысленным свистом пуль и абсолютно определенным грохотом автоматных очередей, сопровождающимся трассирующими огнями.

Я продолжала размышлять о невозможности предугадать последствия своих самых невинных поступков, а стало быть, и о полной нецелесообразности какой-либо осмотрительности вообще – в узком пространстве за газетным киоском, куда я почти вползла по-пластунски. Перестрелка на улице стала мало-помалу стихать.

Я сквозь стук своего безумно колотившегося сердца все же расслышала дружный топот, потом звуки разворачивающихся машин. Потом все стихло.

Выглянула из укрытия: пустынный двор, пустынная улица. Только жаль – пальто и брюки были безнадежно измараны.

Вдохнула полной грудью утренний весенний воздух. Светало. Спешили куда-то редкие прохожие и машины. Я вывернула пальто наизнанку – так оно выглядело, может, излишне экстравагантно, но зато намного опрятнее.

До дома добралась уже без приключений. У подъезда на лавочки в рассветной дымке виднелись три фигуры. Две из них, завидев меня, заскакали и завиляли хвостами. Третья осталась неподвижна.

– Немножко засиделись, заболтались, – сказала я, приблизившись, – ты что, не веришь мне?

Ответа не последовало.

– Я говорю правду!

Реакции не было никакой.

– Мне непонятно твое поведение! Разве я давала тебе повод для недоверия?

– Звонила Ольга Веровенко, – сказал Антон, – звала нас с тобой на день рождения. В следующую среду.

– Ну, конечно. То годами не объявляется. А тут – пожалуйста. Как я к ней в гости, так и она со своими приглашениями. Только не надо сцен.

– Скажи мне правду.

– Хорошо! Я была в казино! Клянусь!

– Ты мне изменяешь?

– Как ты можешь так думать обо мне?!! Ты оскорбляешь меня такими своими предположениями. До глубины души!!

– А что я должен думать, когда ты врешь мне?

– Я говорю чистую правду! Я была в казино! Что тут необыкновенного?

– Где ты была всю ночь?

– Вот, даже фишек купила, – я вытащила и кармана горсть кругляшек, – Но я не собираюсь оправдываться. Тем более перед человеком, у которого в отношении меня самые грязные подозрения!

– Большего я не заслужил? Давно ли я стал для тебя таким?

– Ну, Тоша, что ты, в самом деле? Неужели ты, действительно, считаешь, что я тебе изменяю?

– А что я должен еще считать?

– Разве, у женщины не может быть своих секретов?

– Майонез «Кальве»?

– Хотя бы и майонез. Ты думаешь, что я только на это и способна!?

– Оля, вместо того чтобы радоваться тому, что я еще способен шутить в этих обстоятельствах…

– В каких таких обстоятельствах? Ты унижаешь меня своим недоверием! Ты намекаешь постоянно на то, что мое место на кухне! И я еще должна всему этому радоваться?!

– Оля, не будем ссориться…

– Вот, вот, сначала доведет меня до слез, а потом – «не будем ссориться»…

– Оля, ну, конечно, ты имеешь право на свою жизнь.

– Вот именно!

– Только я не понимаю, почему о ней нельзя знать мне… Хорошо, хорошо, когда настанет время, ты мне все расскажешь. Но, прошу тебя, не ходи никуда ночами. Это опасно.

Матильда возмущено залаяла. Буби охотно поддержала ее. Им обоим надоело переминаться на холоде.

– Антон, честное слово, ты у меня самый замечательный. Все мужики – козлы! И, заметь, это не самый большой их недостаток! Как можно к ним ревновать? Они несравненно хуже тебя. Не могу же я согласиться с регрессивным течением истории?! И это в то время, когда весь мир неуклонно повышает качество жизни!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/musina_mariya/ohotnichiy-bilet-bez-prava-ohoty

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить